

ВОВ

С. 122. Как раз когда мы туда попали, Германия, согласно пакту Молотова — Риббентропа, передала этот польский город Литве, и литовцы начали притеснять поляков. Это был короткий период независимости Литвы, и нам казалось, что наша мечта сбывается: скоро мы попадём в Палестину. Мы не понимали, что попали в ловушку, которая вот-вот захлопнется. В июне 1940 года Литву оккупировала Красная Армия, ещё через полтора месяца Литва вошла в состав Советского Союза. В июне 1941 года Вильно был занят войсками Вермахта. Но мы не могли предвидеть такого поворота событий.

С. 79. [Штайн]: 22 июня 1941 года началась **русско-германская** война. Через час после объявления войны началась бомбардировка. Через три дня русские сдали город.

С. 238. [Штайн]: Партизанское движение становилось всё более заметным, оно очень беспокоило немцев. Прямой связи с партизанами у меня поначалу не было, но всякий раз, когда я получал доносы от местного населения относительно передвижения партизан, я делал все от меня зависящее, чтобы оперативные сведения запаздывали или вообще не доходили до начальства. Я не принадлежал ни к какой организации, ни к какой группе сопротивления, но через некоторое время мне удалось установить контакт с евреями из гетто.

С. 358-359. [Штайн]: В общей сложности я провёл у партизан десять месяцев, с декабря 1943 года до освобождения Белоруссии Красной Армией в августе 1944 года. Теперь, когда прошло столько лет, я могу сказать, что для меня быть партизаном было хуже, чем работать в жандармерии. Работая у немцев, я знал, что у меня есть задача — помогать людям, спасать тех, кого могу спасти. В лесу у партизан было значительно сложнее. Жизнь отряда была очень жестокой. Когда я попал в отряд, в нём были русские, украинцы, белорусы и несколько евреев. Поляков в тот момент в отряде уже не было. Часть их убежала, оставшиеся расстреляны русскими. Я узнал об этом позже.

Партизан того времени — нечто среднее между героем и разбойником. Чтобы выжить, мы должны были добыть пропитание, а добыть его можно было только у местных крестьян. Их грабили немцы, их грабили и партизаны. Крестьяне никогда не отдавали ничего добровольно, приходилось отнимать. Иногда мы брали последнюю корову или лошадь. Но бывало и так, что уведённую лошадь тут же меняли на водку. Водка была самым ценным продуктом в то время. Не хлеб. Эти люди не могли жить без водки.

Когда проводили такой рейд, я обычно был среди часовых по охране деревни, остальные ходили и забирали всё, что находили. Но совесть моя все равно была нечиста.

В боевых операциях я участвовал только однажды — меня взяли на проведение диверсионной операции: взорвать мост и пустить под откос немецкий состав. Честно говоря, я избегал кровопролития, старался быть полезным иным образом: участвовал в охране лагеря, выполнял всякие работы по лагерю — их было немало.

С. 8. Из Эмского гетто моя мать сбежала в августе 1942 года, на шестом месяце беременности. С ней был мой шестилетний брат Витек. Родилась я километрах в ста от Эмска в непроходимых лесах, в тайном поселении сбежавших из гетто евреев, укрывавшихся там до самого освобождения Белоруссии в августе 1944 года. Это был партизанский отряд, хотя на самом деле никакой это был не отряд, а три сотни евреев, пытавшихся выжить в оккупированном немцами крае. Мне представляется, что мужчины с оружием скорее охраняли этот земляной город с женщинами, стариками и несколькими выжившими детьми, чем воевали с немцами.

С. 12. ...гетто, когда туда стали сгонять жителей из окрестностей — до того в гетто были только городские евреи. Они вроде бы добровольно туда заселились, потому что незадолго до переселения в гетто в городке было ужасное истребление евреев — их собрали на городской площади, между костёлом и православной церковью, и начали убивать. Полторы тысячи убили, и оставшиеся в живых ушли в гетто.

С. 124-125. Узнали удручающие вещи: в день, когда Красная Армия покинула Вильно, стихийно организовались литовские банды, которые начали убивать евреев ещё до взятия города немцами. Впоследствии в состав немецких карательных отрядов вступила большая группа литовцев.

Вступили в действие антиеврейские законы: конфискация собственности, запрещение появляться в людных местах, запрещение ходить по тротуарам. Наконец, потребовали обязательного ношения отличительного знака — звезды Давида. Начались аресты.

Я в то время был так наивен, что не мог поверить, будто у немцев существует продуманная система по уничтожению евреев.

С. 230. [Штайн] во-первых, я был переводчиком при контактах между немецкой жандармерией, белорусской полицией и местным населением, во-вторых, мне приходилось заниматься расследованием уголовных и бытовых преступлений, собирать показания. От «политических» дел, связанных с расследованием деятельности бывшей советской администрации, коммунистов и появившихся вскоре после оккупации партизан, я старался держаться подальше.

С. 84. Польский приют был в Загорске. Почему этот городок — маленький русский Ватикан, его прежде называли Троице-Сергиевой Лаврой — выбрали для приюта, не знаю.